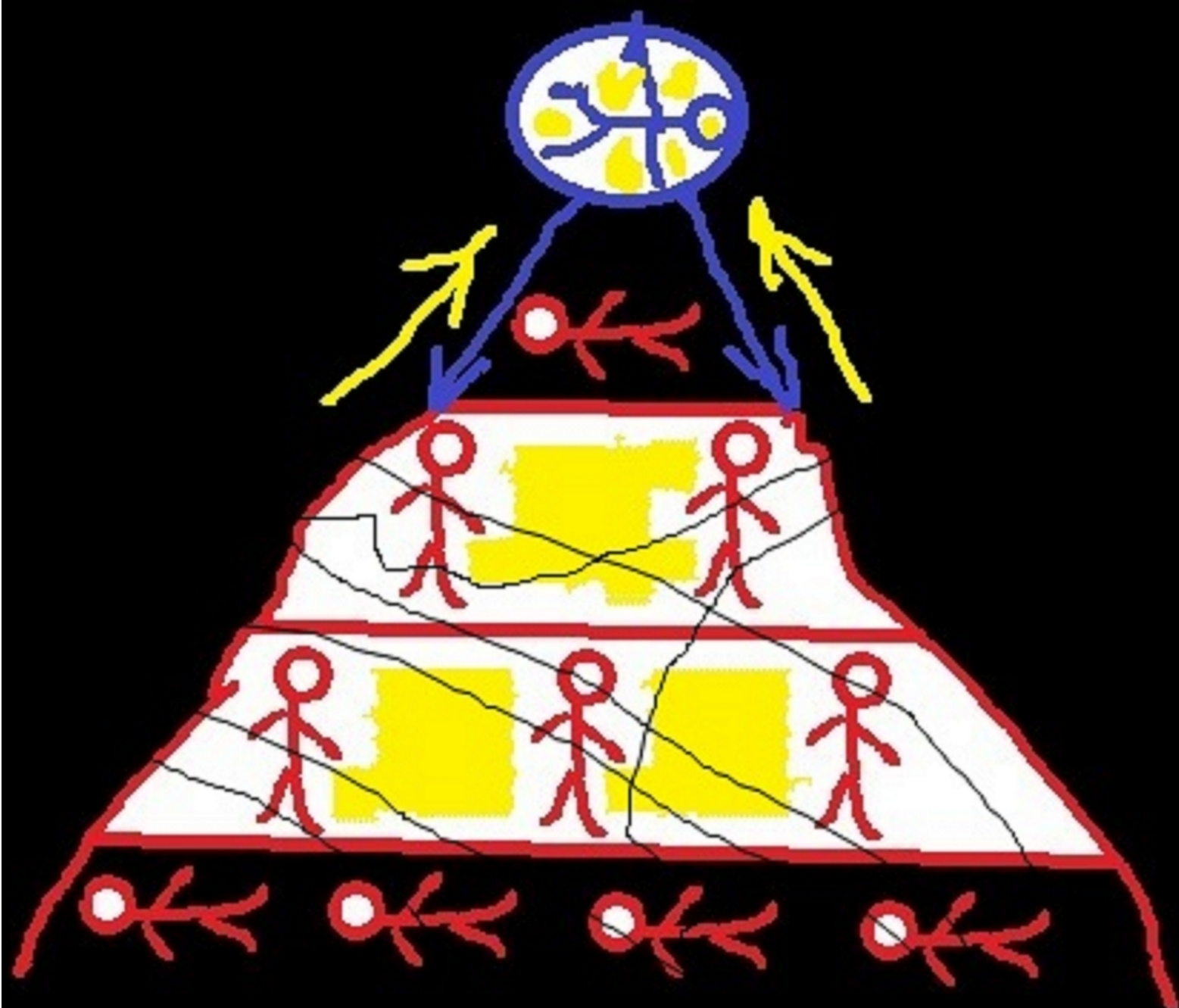

Вильгельм Плут

ПАЛАТИНАТ

Часть первая. ПРОИЗОШЕДШЕЕ

18+

Вильгельм Плут

**Палатинат. Часть
1. Произошедшее**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Плут В.

Палатинат. Часть 1. Произошедшее / В. Плут — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В первой части главный герой раскрывает читателю саму суть взаимоотношений богов и смертных. Волей судьбы оказавшись вовлечённым в интриги богов, герой приобретает способности прародителей богов — титанов, и становится одним из игроков древнейшей на Земле игры. В эту игру была вовлечена ещё одна бывшая смертная, которая обладает уникальным свойством — она слегка «блаженная». Действия происходят в ближайшем будущем, где смертных разводят как скот, впрочем, так было всегда, с самого начала времён. Вывести людей из этого порочного круга — значит разрушить цивилизацию, их породившую. Но как уничтожить то, что бессмертно?

© Плут В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Бич Божий	6
Глава 2. Намерения идущего	11
Глава 3. Воздастся каждому	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пролог

В детскую комнату, где в кроватке спит младенец, рыча от боли, вползает женщина вся покрытая свежими кровоточащими язвами. Вслед за собой по полу за ремень она волочёт дробовик. Добравшись до кроватки, женщина наставляет дробовик на ребёнка. Выстрел. Женщина, опёршись о кроватку, забрызганную кровью с лохмотьями плоти, с улыбкой на застывающем лице, еле слышно, испуская дух: «Успела». Глаза стекленеют.

Тишина. Откуда-то из глубины дома, постепенно усиливаясь, начинает доноситься зудящий звук полёта одинокого комара.

Глава 1. Бич Божий

В тускло освещенной комнате со стальной переборочной дверью быстро закрутился маховик запорного механизма и в помещение вошел человек в потёртом светло-сером комбинезоне. Пройдя через всю комнату, он рухнул в большую неприбранную постель, представляющую собой каменный уступ, расположенный в дальнем углу, застланный черным матрасом, поверх которого в беспорядке лежали одеяла и подушки. С час поворочавшись в попытках уснуть, он лег на спину и уставился в высокий потолок. Прошло ещё минут десять. В какой-то момент в паре метров от каменной кровати у стены вырос стол, будто кто-то снизу выдавил его из пола. Следом на столе выросла стопка плотных бледно-серых листов бумаги, а из стены над столом выросла рука, держащая перьевую ручку. Рука, торчащая из стены по плечевой сустав включительно, создавала впечатление, будто там застрял человек. Нижний лист бумаги скользнул на край стола у стены, рука, опустив перо пишущей ручки на лист, застыла. Потом вроде как начала выводить какое-то слово, но, не закончив, исчеркала лист и снова замерла. Человек в кровати закрыл глаза ладонями. Испорченный лист исчез, впитавшись в стол, а на его место из стопки скользнул другой. Комната на несколько мгновений наполнилась оглушительной тишиной и статичностью ветхой чёрно-белой фотографии. Вдруг рука крупными буквами принялась что-то писать – быстро, нервно, изредка замирая:

«Мне почти каждую ночь снится один и тот же сон:

Она. Но с каждым годом я всё реже вижу её лицо, а если вижу, то размыто, и черт его уже не разбираю. Но ноги, вернее одну – левую, я вижу всегда четко. Её прекрасные длинные худощавые ноги с серовато-бледной тонкой, слегка сухой кожей. Я вижу и ощущаю под рукой родинки, – маленькие едва заметные точки, рисующие причудливую ломаную линию по наружной стороне бедра, как будто карту созвездия, где затерялась планета, на которой всё ещё существует рай.

Просыпаясь, стараюсь понять, не сошел ли я с ума, но как только меня снова накрывает это невыносимо болезненное и, в тоже время, непреодолимо влекущее чувство, осознаю, что ещё нет. Так что я решил, что уместно и своевременно начать вести дневник, или просто писать. Нужно поделиться своими мыслями с бумагой и воображаемым читателем, пока не стало поздно. Надеюсь, это меня хоть немного отвлечёт от гнёта циклически возникающих образов в моей голове. К тому же мне есть что написать. Вот только с читателями проблема, но со временем, возможно, мы это преодолеем, а времени у меня предостаточно. У меня времени предостаточно? У кого у меня? Кто я? Так, стоп!»

Рука зависла над знаком восклицания. Человек в потёртом светло-сером костюме громко выдохнул, и рука продолжила писать с нового абзаца:

«Я думаю, что я всё ещё человек, только в моих жилах течет не красная кровь, а голубое желе. Сердце моё бьётся в широком диапазоне: то совсем редко, едва колышется, как сейчас, то молотит тысячи ударов в минуту, когда того требуют обстоятельства. Тело моё тоже может меняться, в частности, плотность его регулируется моим разумом, дышит кожей, всем дышит, а может и не дышать и переходить на анаэробный режим функционирования. Аура моя просто огромна, по сравнению с вашей, и более плотная, я свечусь ярче. «Свечусь»! Аура! Какой вздор! Вы её вообще не видите, ни мою, ни тем более свою, вы вообще мало что видите. Нет, не то, это не то, что вам нужно, важно, что интересно.

С чего начать? Столько хочется сказать, но с чего начать?

Начну с того, что я просто ненавижу святош и всякого рода праведников, и я не имею в виду лицемеров, произносящих слащавые речи на публике, к ним я отношусь ровно, ну то есть относился. Сейчас не знаю, уже давно не встречал. Я вообще давно никого не встречал. Нет, люди есть, я точно знаю, но мало, и желательно к ним не приближаться без особой надобности.

Они все сплошь чипированные, только приблизишься, и их сразу глушат, в смысле, убивают – жалко. Все в довольно крупных городах, которых под сотню раскидано по планете. В эти города крайне сложно попасть, как минимум, мне не удалось. Остальная территория безлюдна.

Так что-то я не о том. Так вот. Я говорю о тех, кто абсолютно уверен в существовании самой возможности воплощения в реальность таких понятий как справедливость и свобода, вот их я люто ненавижу! Эти юродивые (когда-то и я был таким) самые страшные люди для человечества. Именно по их вине общество постоянно оказывалось на краю гибели. Так произошло и на этот раз.

Сразу хочу предупредить читателя, что всё нижеизложенное не толерантно, потому как для меня нет понятия более искусственного и противного. Здесь всё описано как было, есть на самом деле, и будет так до скончания веков, – за это я вам ручаюсь.

Начну с главного, – со свободы. Её у вас, у людей, быть не может в принципе. Потому что вы субстрат, – среда обитания для других более конкурентоспособных организмов. И я говорю не о каком-то мистическом или фантастическом бреде, которым вас насмешливо припугивают, а вы предсказуемо реагируете по типу: «Быть не может, но свет на всякий случай не выключай». Я говорю о таких же людях, как и вы, ну почти таких же, вернее будет сказать, вы почти такие же, как они. О тех, которые чуть больше чем люди, я сам о них знаю мало, хоть сам, наверно, такой же, как они. Но речь о вас.

Мне сложно для вас писать. Сложнее, чем вам общаться с малыми детьми. Очень трудно подбирать слова, которыми я бы смог выразить свои мысли и при этом был бы понят потенциальным читателем. Да и мысли путаются. У меня что-то вроде бессонницы, потому мысли путаются, но то, что я пишу крайне важно, потому не считите за труд и следите за мыслью, даже если она прерывиста. А когда её потеряете, начните заново, найдите ту, которую потеряли и, возможно, у вас получится найти ещё одну, другую, ту, что глубже. Они обе простые, потому, если вы их найдёте, то дальше читать будет проще и интереснее – вы будете понимать, что здесь написано. Так я о свободе.

Рабство в вашей крови, оно заложено генетически, избавиться вам от него не удастся, даже не пытайтесь, будет только хуже. Вавилонскую башню уже разрушили, ещё раз взбунтуетесь – разберут фундамент. Если проще и на пальцах, то приведу самый простой пример: если человека вырастить в любви и ласке, но без языкового общения, то вы получите Маугли, – жутко, не правда ли? Ребёнок может оказаться в жутких условиях, но в языковой среде (с ним будут постоянно разговаривать, пусть матом и отморозки) – и он будет иметь возможность развития: выучить другой язык, освоить науки и т.п., но если его лишить языкового общения, не отформатировать жесткий диск вовремя, – то всё. Заметьте, я говорю не о традициях или культуре, где прослеживается очевидная и поверхностная параллель между блондином янычаром в среде брюнетов турок и уткой одного вида, выросшей среди уток другого вида.

Без общества нет языка, без языка нет общества – это что-то вроде вопроса о том, что было первым курица или яйцо? Вот ещё вопрос: что будет собой представлять группа людей, где каждый говорит на своём языке не известном другим, где-нибудь на отдалённом необитаемом острове? Себя представьте среди них. Отвечу сам: это будет точно такое же общество как и его другие одноязычные собратья. Найдёте как объяснить, будьте уверены. Значит общество в самой грубой его форме – это группа людей с сознанием, отформатированным языком. Язык есть «файловая система» сознания, если для вас удобно такое грубое сравнение. Человек – продукт общества, созданный языком общения, принятым в данном обществе. И, соответственно, он ограничен возможностями языка. В целом, вербально-символьные языки – системы крайне громоздкие и ограниченные для полноценной реализации интеллектуально-эмоциональных возможностей человека. Но других нет. Язык вообще как система общения, превратившая стадо в общину, – лишь грубая упрощенная модель той системы, в которой человеку однажды случилось побывать. Вот какая-то группа диких людей побывала в среде, в

которой могла общаться меж собой мысленными образами, среда исчезла, а группа осталась. Дальше, думаю, понятно: среду смоделировали – и получился язык. Ну как исчезла – вас сначала в эту среду затащили, очеловечили, а после из неё выперли!

Но речь не о том, а о вашей свободе, вернее, её отсутствии. Те, которые создали вербально-символьный формат общества людей; точнее лишили вас возможности общаться мысленными образами, и потому вам просто пришлось заговорить, чтобы не вернуться в животное состояние; сделали это для того, чтобы было удобнее вами пользоваться. Что они с вас имеют? Много, очень много, всего и не перечислишь, плюс допускаю, что многого я и сам не знаю, ведь я совсем недавно в их клубе. Но главное это генетическое разнообразие – вы источник жизни для них. Вы, по сравнению с ними, живёте несоизмеримо мало, очень быстро размножаетесь, и непрерывно обогащаете свой генофонд. Вот этот процесс крайне важен для ваших хозяев. Вы – источник вливаний свежей крови в их престарелые жилы. Общество хозяев устроено так, что они имеют общий геном.

Забегая вперёд, скажу: память у них тоже общая, хоть и сегментированная, что с непривычки жутко неприятно. Когда я сам только-только попал в этот клуб в числе некоторого количества других людей, то меня жутко смущали воспоминания или просто мысли этих людей в моей голове. Часто они ими делились со мной, чтобы точнее и, главное, полнее передать информацию, а ещё чаще нечаянно, случайно. Поначалу было много, очень много нелепых курьёзных ситуаций, позже мы научились ставить блоки. Но поначалу постоянно чужие мысли на заднем фоне сознания. Разные. Разных людей. И ещё их чувство стеснения, когда ты проявил невольное любопытство к деталям и как бы придвигал их мысли к себе, вытаскивал с заднего плана. Жуть! Общежитие сознаний!

Но давайте вернёмся к тем, кто уже давно такие. Они живут в оболочке, образованной общим симбионтом – колониями одноклеточных протоорганизмов с чертами вируса и бактерии на кремневой основе с углеродными переходниками для создания симбиотических, точнее сказать, мутуалистических связей с организмами, в основе которых лежит углерод. Да, сложно, но проще не опишешь. Оболочка, в некоторой степени, делима и многослойна. Это не луковица и не капуста, а скорее замок с комнатами отдельных жильцов, их доспехи с конём в придачу и всё это, включая прописавшихся там жильцов, – единый организм. И если вдруг все жильцы разом, облачившись в доспехи, севши на добрых коней покинут замок, то он, замок, довольно быстро умрёт и превратится в безжизненные руины – вот такая неприятная особенность. Всадники, конечно, смогут выстроить новый, все вместе или каждый для себя, но, во-первых, будет потеряно нажитое непосильным трудом, а во-вторых, пока у всех них один общий геном, каждый сможет жить в жилище другого, и быть обласкан этим жилищем как и в потерянном замке. И хотя, благодаря симбионту, организмы хозяев находятся в идеальных условиях, они всё равно подвержены старению на клеточном уровне, пусть и крайне медленному. И здесь на помощь приходите вы. Они периодически вводят в свою общину одного из вас, наиболее генетически достойного, точнее нужного, лишь для того, чтобы им разбавить свою общую генетическую основу. Физически это выглядит так: Богиня влюбляется в смертного и рождает от него полубога или, наоборот, от связи бога со смертной рождается герой. Этим полубогов потом приглашают на «Олимп» и делают «бессмертными». Так и только так. Если у вновь прибывшего нет генетических связей с обществом, общество его не примет, точнее сказать, его не примет симбионт, являющийся цементирующей основой данного общества. Так происходит обновление крови, и продление жизни всех, кто там живёт. Про симбионта и особенности жизни человеческого организма, вступившего с ним в связь, я расскажу подробно, но позже.

А сейчас сосредоточусь на отсутствии свободы у вас. Сами подумайте, если изначально человеческое общество лишь грубая копия общества богов, то о какой свободе может идти речь? Если бы вы были свободны, то были бы дикими стайными волосатыми животными, если

бы, конечно, выдержали конкуренцию с другими обезьянами. Ваш организм был рождён в идеальных условиях симбионта богов. Вы голые слабые твари с нежной кожей, у вас нет ни длинных клыков, ни крепких когтей. Зато у человеческих женских особей овуляция каждый месяц. Жутко неудобно в естественных условиях, и как удобно для разведения. Как у кроликов, с той только разницей, что крольчиха вынашивает потомство один месяц, а человек девять. Но и цели при разведении преследуются разные. В случае с человеком, цель получить одну конкретную особь с нужными свойствами, а не максимальную биомассу, представленную огромным числом, как в случае с кроликами. Без моделирования условий, в которых вы рождены, вы бы погибли. Жилища, которые вы строите; орудия труда, которыми пользуетесь; одежда, которой согреваетесь – всё это ваша попытка вернуть то, что потеряли. Но вы ничего не теряли, вас изначально приглашали «туда» лишь погостить. И вы должны быть благодарны хозяевам за то, что они поделились с вами своим сокровищем и дали вам шанс пойти по другому пути, нежели вам предлагала природа-мать. И когда люди сетуют на то, что их общество несправедливо и представляет собой пирамиду, они не знают, что общество изначально было создано таким.

Прежде чем у смертных более жестокие и хитрые, с помощью слова и металла, поработили более милосердных и наивных (прошу, не заблуждайтесь: сильные, умные, слабые и глупые были среди и тех и среди других и тогда и сейчас), люди, ставшие бессмертными, превратили остальных, оставшихся смертными, в культивируемую массу рабов. И уже в этой массе этот процесс расслоения на классы продолжился, приближая верхушку слоёного общества рабов к тем райским условиям, которые были необходимы человеку для полноценной жизни, пусть короткой, но человеческой. Поверьте, сначала появился человек, а уж потом труд, породивший излишки. Излишки спровоцировали появление элиты как чего-то постоянного и неизбежного. В свою очередь элита превратила излишки в нехватку, чем способствовала повышению производительности труда. Или всё-таки сначала возникла элита, и стала причиной возникновения нехватки и труда, как явления, стремящегося преодолеть эту нехватку, и излишков никогда и не было, – не всё ли равно. Суть в ином. Преодолевая циклически возникающую нехватку то того, то другого, обезьянничая друг за другом, трудящиеся двигали технический прогресс, именно в этом истина. Так, благодаря элитам, жаждущим большего и создающим нехватку имеющегося, трудящиеся достигли невероятно высокой производительности труда, но так и не смогли удовлетворить своих потребностей.

Конечно, даже в первом приближении, всё несоизмеримо сложнее: языковые барьеры, разные традиционные и религиозные нормы, а также разная степень сытости низов в разных частях планеты, разбивали общество на сектора и превращали картину общего социума в шахматную доску, на которой всевозможные социальные градиенты вычертили разграничительные линии. Линии пересекаясь, создали клеточную структуру единого пространства, удобную для игр смертных элит, которыми, в свою очередь, играли бессмертные боги. Но не думайте, что я свихнувшийся фаталист. Просто я знаю, что всё не так, как выглядит. Но это уже про справедливость, а о ней я выскажусь как-нибудь и в другой раз, хотя в свете вышеизложенного не вижу в этом особой нужды».

Свет гаснет, рука из стены замирает, потом свет снова загорается, и рука принимается писать снова.

«А сейчас я не могу себя сдерживать и не рассказать о Ней. Это, наверное, моя плата за ... Впрочем, не важно. Я хочу рассказать о той женщине из сна. Я с Ней не спал. Я всего несколько раз, буквально считанные минуты общался с Ней один на один. Каждый раз я говорил что-то невпопад, всегда выглядел идиотом, а чувство стыда меня сковывало или, наоборот, заставляло вести себя крайне неуравновешенно. Я лишь мельком видел Её в купальнике, но помню только то, что видел, – сам факт, а не то, как Она выглядела. Я не помню Её фигуры, но почему-то мне кажется, что у Неё были длинные ноги. Я не хочу, чтобы вы думали о Ней как о моём нереализованном сексуальном желании. Долгое время я даже не думал о Ней как о женщине

– Она была для меня, как ангел воплоти. А когда прорвало, то было уже поздно. Даже если не брать в расчёт жену, чьей подругой Она являлась, и детей, которым обязательно нужен рядом отец и полноценная семья, я уже к тому времени погряз в проблемах и как мужчина объективно стал жалок и убог. А Она казалась недосыгаемой. Я делал всё, чтобы выпрыгнуть, но тем зарылся окончательно. Мне оставалось утешать себя лишь тем, что с супругой я могу быть сами собой, то есть быть занудным неудачником, бздеть и ругаться матом. Последний раз я Её видел, когда забирал жену из кафе, где супруга была в компании подруг, в числе коих оказалась и Она. Супруга тогда здорово перебрала и по заведённой с давних пор у замужних дам традиции демонстрировала стабильность моей психики, которой, по её мнению, она добилась в результате каждодневной дрессировки. Моя спутница жизни что-то говорила о мужчинах вообще как таковых, что-то нелестное, говорила на публику. А Она смотрела на меня с сожалением. Это была не жалость, а именно сожаление, хотя может мне и показалось. Откуда мне знать, что было у Неё в голове. Но Она в, отличие от других присутствующих не смеялась, и даже не улыбалась, просто смотрела, Она одна смотрела мне в глаза, мгновение, а потом опустила взгляд – и всё. Интересно, ведь помню, что смотрела в глаза, помню, встретились взглядами, а глаз не помню и лица не помню, хотя лица остальных помню отчетливо. По дороге домой жена вела себя необычно ласково, вообще она меня очень любила, да и я её, но почему-то мы совсем не понимали друг друга, наверное, это у всех так, рутина. Вообще, много позже супруга как-то проговорила, что видела, какое смятение вызывает у меня одна из её подруг, и что это всё пустое и вздыхать там не над чем и не над кем: «Она не такая как кажется». Я промолчал, мне в тот момент почему-то совсем не хотелось скандала на пустом месте, чего не могу сказать о жене. И ещё я подумал, что может хотя бы у супруги всё так, как она хотела. Одним словом меня поглотили двоякие мысли, двоякие чувства, и пустота. А кто сказал, что будет легко?».

Рука поставила точку и замерла над листом бумаги.

Глава 2. Намерения идущего

Свет потух, но через несколько минут опять загорелся, и рука вновь принялась что-то быстро писать. Свет через время стал ещё более тусклым, чем был, но продолжил гореть. А рука из стены, набрав невиданную скорость, начала просто летать над поверхностью листов, исписывая их крупным почерком в считанные секунды:

«Сейчас мне бы хотелось описать то, что, по моему мнению, стало причиной Апокалипсиса, снизившего численность населения земли с восьми с половиной миллиардов до нескольких сот миллионов. Апокалипсисом смертные назвали пандемию, вызванную вирусом, переносимым гнусом, унёсшую большую их часть в мир иной, если таковой вообще существует, в чём я сильно сомневаюсь. Пожалуй, начну с того момента, когда это началось лично для меня и моего друга, по совместительству делового партнёра:

Я часто вижу тот момент жизни, особенно когда меня накрывает тоска и захлёстывают воспоминания, и теперь картина этих судьбоносных для меня событий снова встаёт перед моими глазами как будто это происходит прямо сейчас. Но сейчас я вижу её, эту картину, глазами нескольких участников событий и это одно из преимуществ коллективной памяти, – можно увидеть одно и то же событие с разных точек зрения. Вообще произошедшее, на мой взгляд, наиболее точно отразилось в памяти моего друга, потому его воспоминания я возьму за основу повествования, конечно же, мне не обойтись без воспоминаний других участников случившегося, но если описывать произошедшее со всех имеющихся точек зрения, получится каша, хотя возможно, она получится и так:

Стоял ноябрь. Свинцовое небо было затянуто низкими облаками. Через сплошную грязно-серую облачность еле пробивался тусклый свет солнца, катящегося к закату. Свет солнца, заходящего необычно красным, приглушенный облаками, создавал тоскливо мрачный сумрак над бескрайней рябью Северной Атлантики. Посреди этого пессимистичного, унылого пейзажа неспешно, курсом строго на юг, идёт одинокий ржавый небольшой сухогруз.

В маленькой и такой же ржавой, как само судно, каюте с крошечным иллюминатором под самым потолком, над покосившимся железным столиком, привинченным к полу, склонился мужчина средних лет и что-то пишет в толстой записной книжке:

«Неделю назад в порт Гамбурга зашла эта ветхая посудина, а уже сегодня я – сухопутная крыса...»

Человека, который сейчас пишет эти строки в своём дневнике, зовут Вильгельм. При рождении ему дали имя Витя, но сейчас он уже сам не помнит того Витю. За переборкой, в другой точно такой же каюте спит его друг и по совместительству коллега и совладелец их маленькой, но высокотехнологичной фирмы, Фридрих. Фридрих, кстати, носит своё имя с рождения. Родился и вырос он в Портленде штат Орегон и в Германию попал по студенческому обмену, да так и остался. И в отличие от Вильгельма у Фридриха сегодняшний день, как впрочем, и вся последняя неделя вызвали невероятный эмоциональный подъём и воодушевление. И его можно понять: прошло полгода с тех пор как они с другом имели неосторожность организовать свое дело по проектированию и инжинирингу биологических очистных сооружений и роботизированного оборудования для закрытого грунта. В их арсенале были прототипы и модели почти полностью автономных систем культивирования сельхозрастений, самые совершенные системы очистки воды, воздуха, и ещё много чего смежного, включая всевозможные альтернативные электрогенераторы и системы накопления энергии, но, ни одного сколько-нибудь серьёзного заказа. Они фактически уже были банкротами, оставалось признать этот факт официально. А ведь у Фридриха жена и двое детей, и в отличие от холостого Вильгельма перспектива остаться без штанов могла довести его до петли, но обошлось. Неделю назад, когда от команды их фирмы в Берлине уже остались только они сами, к ним пришли

трое рослых ребят. На вид отморозки, но оказалось, приличные люди – учёные. Люди просто умоляли модернизировать их очистные сооружения где-то на острове в океане. Они привезли с собой чертежи двадцатилетней давности, но они были не полные, а сами эти учёные, как оказалось, – геологи, и в биотехнологиях и робототехниках не в зуб ногой. Короче, предложили купить всё, что на наш взгляд может пригодиться при модернизации их оборудования. В итоге, учёные загрузили на свой сухогруз почти всё, что у нас было, ну и нас, конечно. Ещё короче, работа срочная, средства не ограничены, только помогите, разберётесь на месте, где подписать, куда переслать деньги за купленное оборудование и аванс за работу. И вперёд, в экспедицию на полгода, специалисты по монтажу на станции и судах обслуживания имеются, нужны лишь ваши головы и результат конечно. Вот так, впопыхах, биотехнолог и по совместительству электротехник Вильгельм и счастливчик робототехник с диссертацией по физхимии Фридрих оказались на судне с многозначительным названием «Беглец».

Пролетели две недели плавания в обществе команды судна и нанявших их геологов. Хозяева не раз за это время блеснули своей откровенной необразованностью и буквально вырывающейся из нутра неприязнью к гостям. Правда, Фридрих не замечал ни глупости, ни грубости, для него они были спасителями от неминуемого банкротства и потому уже благодетелями. В данной обстановке его уверенность в том, что он поймал удачу за хвост только укрепилась. Но вот Вильгельм, выдавший не раз «братков» в бытность своей ранней юности в России, всё чаще стал задумываться над тем, что возможно их разводят. Но в чём подвох? Заказчики, даже не торгуясь, купили всё, что только им предлагали, аванс за работу перевели. Деньги на счету фирмы, Вильгельм проверял перед отправкой грузов в порт на погрузку. Всё отлично! В итоге Вильгельм решил, что его одолевает паранойя, а странности бывают у всех.

Буквально на следующий день после отказа от необоснованных подозрений, Вильгельма и Фридриха поставили в известность, что вечером они пребудут в пункт назначения. И действительно ближе к вечеру их пересадили на большой катамаран и пообещали весь их груз доставить на станцию вслед за ними.

На этом парусном двухмачтовом катамаране пассажирам предоставили одну на двоих каюту и ужин. И пообещали, что завтра утром они будут на месте, небольшая задержка, бывает, сроки в производственных мероприятиях часто сдвигаются, что говорить о планируемых сроках в экспедициях, логистика одним словом.

Вильгельм проснулся от неприятного давления в ушах или от фальшивого женского смеха, скорей всего, совместное влияние этих двух факторов вызвало пробуждение от неестественно глубокого сна. В момент пробуждения он почувствовал, что находится не в той каюте, в которой уснул. Пробуждение было тяжелым и больше напоминало возвращение сознания после наркоза, в глазах всё расплывалось. Женские голоса, смех, стоны, изредка разбавляемые мужским севшим басом – жутко раздражали. Через несколько минут зрение вернулось, вернулась и относительная ясность сознания. После чего Вильгельм смог разглядеть источник раздражающих его звуков. В противоположной стороне довольно большого помещения на длинном столе два мужика с агрессивным доминированием и элементами садизма совокуплялись с двумя молодыми девушками. Сразу возникло ощущение, что девушки всем своим существом пытаются сохранять самообладание и явно не в восторге от происходящего. Изнасилование, прикрытое лицемерием жертв. «Видимо могло быть хуже, раз они так стараются сохранить хорошую мину при плохой игре», – подумал Вильгельм, и продолжил осматриваться. И тут он увидел свои ноги прикованные цепью к полу, лежащего рядом Фридриха и ещё одну девушку чуть поодаль от них. Фридрих и девушка также были прикованы к полу. Девушка, зажмурившись, вдавливала свои ладони в уши, а свое тело в стену. Вильгельм продолжил осматриваться дальше. Большое светло окрашенное, ярко освещенное помещение без окон. И тут он увидел на стене приборную панель и барометр. «Понятно от чего так давило на уши – это барокамера». Расположенные в противоположных концах помещения две огромные перебо-

рочные двери в форме круга с маховиками по центру лишь подтвердили его предположение. Под потолком монорельс, протянувшийся от одной двери до другой, на котором висит кран-балка. «По-моему мы в трюме какого-то танкера, возможно субмарины» – резюмировал свои умозаключения Вильгельм.

Этой стремительной смене обстоятельств для Вильгельма и его, всё ещё спящего, друга предшествовала череда довольно странных, для непосвященного, манипуляций. Здесь нужно отметить, что посвященными в той или иной мере можно считать девять персон, из которых, только трое обладали полным контролем над происходящим. Как вы, думаю, догадались те двое, что сейчас пользуют девушек – из числа посвященных.

Так вот о манипуляциях. В перемещении Вильгельма и Фридриха до этой злосчастной барокамеры участвовало пять судов. Команда сухогруза «Беглец» представляющая из себя группу контрабандистов, получила заказ на них почтовым курьером. Своё согласие на простую и непыльную работу отправила в виде отклика в интернете. Все согласно прилагаемой инструкции, и моментально получила предоплату. Судно зашло в порт Гамбурга. После чего Вильгельм и Фридрих сами без принуждения вступили на него. При этом сами упаковали купленное у них оборудование таким образом, как того требовал заказчик с соблюдением предельных габаритов и массы. Далее как вы уже знаете «живой груз» был передан экипажу парусного катамарана специализирующемуся на торговле людьми. Там Вильгельма и Фридриха самих «упаковали» как следует, и опять в открытом море, передали на другой сухогруз, личный состав которого вообще был не в курсе происходящего. На него же, следом, и тоже уже другим судном доставили контейнеры с оборудованием, которые были погружены на «Беглец» в Гамбурге. А ещё через двадцать часов команда сухогруза сама посреди океана перегрузила контейнеры на другое ржавое судно. Экипаж которого, включая капитана, был набран только для этого конкретного плавания из разных стран третьего мира. Вот именно с этой ржавой посуды груз попал на странную подводную лодку. А через несколько часов на судне, с которого груз попал на подлодку, забарахлила связь, потом ночью случился пожар, продукты горения которого оказались жутко токсичными и уже с погибшей командой на борту судно пошло ко дну от взрыва в моторном отсеке. С подлодки батискафом груз попал.., но обо всём по порядку.

Важно отметить, что столь сложная схема организации доставки грузов была привычным делом для её организаторов. Хотя обычно всё обходилось без жертв, но обычно, последние годы точно, странная подводная лодка являлась начальной точкой движения груза, а не конечной, как в этот раз. Да и груз последние годы, обычно, был значительно менее габаритный, хоть и всегда довольно весомый.

Более детальное описание сложностей конспирации при перемещении грузов не нужно. Важно понимать, что организаторы этих перевозок не жалели средств и времени на организацию такого рода манипуляций только для того, чтобы никто не мог их не только обнаружить, но и идентифицировать.

Меж тем проснулся Фридрих и по наивности начал требовать соблюдения своих законных прав. Чем отвлёк самцов удовлетворяющих основной инстинкт. За что получил бейсбольной битой по ногам и замолчал. Зрелище, как голый мужик с бешеными глазами и эрегированным членом лупит прикованного к полу Фридриха битой, исключило всякую возможность благоприятного выхода из сложившейся ситуации в понимании Вильгельма.

Буквально через несколько минут голые мужики приковали столь же голых девушек рядом с Фридрихом и Вильгельмом, предложив: «Пользуйтесь, они чистые».

Прошло ещё какое-то время, за которое удовлетворённые самцы оделись, ведя только им понятную беседу, остальные молчали и осознали. За спинами беседующих в противоположной стороне от пленников на огромной переборочной двери закрутился маховик и через несколько секунд дверь приоткрылась. В помещение вошел третий из числа посвященных –

лысый с чёрными глазами чуть старше средних лет, средней комплекции. Он сообщил двум другим: «Давление выровнено, можно топтать на базу».

Потом оглядел пленников, задержал взгляд на единственной одетой девушке. Ехидно улыбнулся в сторону коллег, как будто благодаря их, и направился в сторону девушки. Сняв цепь с ног пленницы, лысый закинул её на плечо и отнёс в противоположный конец барокамеры, где усадил на стол и начал раздевать. Коллеги переглянулись, засияв улыбками, и закурили. Девушка на ломанном английском умоляла не трогать её. Говорила с неподдельной дрожью в голосе и теле, заглядывая в глаза лысому, пытаясь выглядеть в них душу, чем ещё больше его разгорячила.

Сам процесс изнасилования особо описывать смысла нет, так или иначе – не всё ли равно? Важно другое, Вильгельм именно себя винил в том, что не подсказал девушке как это остановить, ведь он понимал, да все пленники понимали, почему с ней поступают так озверело жестоко. Но никто не крикнул: «Молчи!» – Побоялись?! И это тоже, но скорей оцепенели. Так вот на этом столе девушка начала кричать да так жалобно, что у Вильгельма, обычно умевшего отключать эмоции когда того требовала ситуация, начало замирать сердце, а ведь эта чёрная месса только началась. Вскоре лысый отошел покурить. И на его месте оказался один из тех двоих и по понятным физиологическим причинам задержался надолго, потом другой, снова лысый. А девушка продолжала кричать всё жалобнее и громче и всё отчаяннее сопротивляться. Но карусель продолжалась из двух держащих всегда находилась смена третьему. Они как гиены жрущие зебру живьём лишь сильнее зверели от её отчаянных попыток вырваться. А когда она сорвала голос и начала хрипло визжать, этим троим вообще глаза кровью залило. Они чуть сами над ней не передрались. Всё закончилось лишь минут через пять после того как жертва замолчала, потеряв сознание. В это время звенящую тишину нарушал лишь мерзкий ритмичный глухой металлический стук – удары стола о переборку. Жуткую картину из трёх мокрых тел, в спинах которых отражался свет потолочных ламп, нависающих над девушкой на столе, дополняла резкая и тошнотворная смесь запахов пота, секса и табака.

Что дальше? Дальше дали девушкам одеться, те оделись сами и как смогли прикрыли девушку без сознания. Оковы на ногах утяжелили, руки сковали наручниками, потерявшую сознание девушку закинули на плечо Фридриху и повели через бесконечный коридор, разбитый на участки уже знакомыми огромными переборочными дверьми, вмонтированными в сами переборки. Двери, при пристальном рассмотрении, оказались более трёх метров в диаметре; толстыми, толщиной в полметра; с затворными механизмами, управляемыми маховиками, установленными с двух сторон, – всё как между отсеками подводных лодок, только несоизмеримо больше. Местами коридор расширялся, и эти участки напоминали станции метро, а местами сужался и был напичкан боковыми переборочными дверьми обычных размеров. Коридор на протяжении всего пути оставался прямым и ни разу не вильнул в сторону. Каждый участок пути, от одной огромной толстой переборочной двери до другой, был оборудован монорельсом, висящем под потолком, с установленной на нем кран-балкой. Где-то на середине пути девушек идущих самостоятельно забрали двое вышедших из боковой двери перед очередной переборкой, разделяющей коридор на участки. Те двое ненадолго замялись, видимо, желая забрать и третью, но, посоветовавшись с сопровождавшими пленников конвоирами, отказались от этой идеи. И скрылись с двумя девушками там, откуда вышли. А Вильгельм, Фридрих с девушкой на плече и двое сопровождающих с АКМами наперевес продолжили свой монотонный путь. Привычные огромные тяжелые двери сменялись одна другой. Преодолев очередной участок пути с бесконечным числом боковых дверей по обе стороны коридора, они снова оказались перед тяжелой дверью. Один из конвоиров принялся крутить маховик запорного механизма, затем отворил дверь и пропустил пленников вперёд, хотя обычно первым проходил всегда один из сопровождающих, после чего конвоиры вслед не пошли, а захлопнули дверь снаружи. Пленники лишь увидели, как закрутился маховик переборочной двери, в момент,

когда маховик остановился, слышали щелчок. Оставшись без надзора, Вильгельм и Фридрих впервые за весь путь переглянулись. Вильгельм увидел, что его друг измотан и перехватил девушку. Фридрих тут же сел на пол, прислонившись спиной к стене. Через секунду Вильгельм посадил девушку, также прислонил её к стене и сел рядом. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – это такое же помещение, как и то, в котором они сегодня проснулись, даже стол такой же. Они сидели и молчали, Фридрих ощупал ноги, приподнял штанину и обнаружил огромную гематому от ударов битой. Прошло ещё несколько минут, Фридрих, не поднимая головы, спросил: «Как ты думаешь, что происходит?». Заговорив крайне высоким и тонким голосом, что вызвало у Вильгельма невольную улыбку, Фридрих тоже улыбнулся. «Фридрих, тебе что битой по яйцам попали, или это гелий?», – произнёс Вильгельм точно таким же высоким голосом, далее последовал дружный смех, звучащий как визг. Потом наступила неловкая тишина и некоторое время бездействия, после которого Вильгельм встал с пола и подошел к приборной панели и озвучил, ожидаемо высоким голосом: «Давление три с половиной атмосферы и растёт». Через мгновение добавил, срываясь на пискляво звенящий крик: «Снова барокамера, снова меняется давление, теперь ещё азот заменили гелием, Фридрих – это дорога в ад». Фридрих заговорил неожиданно сдержано, рассудительно и даже несколько официально-занудно, не обращая внимания на изменившийся тембр голоса: «Во-первых, строго говоря, это не барокамера, а шлюзовая камера в ней выравнивают давление, чтобы мы смогли пройти дальше. В дыхательной смеси азот заменили на гелий, потому что давление там, куда мы идём, будет достаточно высоким, чтобы инертный в обычных условиях азот стал ядом для человеческого организма, но ты это понимаешь и без меня, ведь как-никак живое – это твоя тема. Меня больше интересует вопрос: зачем мы здесь и почему именно мы?». «Ладно, думаю, скоро узнаем», – бросил Вильгельм и сел за стол.

Фридрих и Вильгельм вскоре уснули. Фридрих на полу рядом с девушкой, которая хоть и дышала, но других признаков жизни не подавала, а Вильгельм, сидя за столом. Фридрих проснулся от звука отпирающегося затвора переборочной двери. Вильгельма разбудил окрик Фридриха, хоть он и сидел рядом с отпирающейся дверью. Дверь распахнулась, и в помещение вошли люди в светло-серых льняных комбинезонах: шесть молодых, крепких мужчин и одна женщина уже в возрасте. Парни, освободив пленников от оков, предложили воды, после чего подхватили под руки и вывели их из помещения. Женщина и двое парней, несущих девушку, быстро ушли вперёд по сумрачному коридору, в конце которого ярким светом зиял проём, настезь открытой и до боли знакомой переборочной двери. Из проёма доносился шум падающей воды. Вильгельм всем видом показывал, что способен идти сам, и его отпустили. Он шагнул в проём, за которым шумела вода, и от неожиданного восторга у него перехватило дыхание. Перед ним, насколько хватало взора, раскинулось узкое длинное ущелье, по утопающей в растительности долине которого бежала река. После монотонного путешествия по зловещему коридору, невозможно было оторвать взгляда от того как водопад, вырываясь из скал, падает в озеро, из которого по долине течет река, поросшая деревьями. А вся долина и уступы прилегающих к ней отвесных скал покрыты зеленым ковром.

Грандиозная картина буйства растительности обрамляющей до дна просматривающийся поток кристально чистой воды на фоне строгих отвесных скал.

С площадки, на которую они вышли, просматривалось дно озера, в которое, чуть поодаль, с огромной высоты, мощным нескончаемым потоком обрушивался водопад. В нем Вильгельм заметил несколько разновозрастных стаек форели. Фридрих освободился от своих помощников и встал рядом с Вильямом, также не в силах оторвать взгляда от раскинувшегося перед ним пейзажа. Они стояли, почти не шевелясь, и будто впитывали в себя красоту этого места. И только через некоторое время Вильгельм начал ощущать, что чего-то не хватает. Солнца, нет солнца и голубого неба. Взглянув вверх, он увидел плотную дымку, висящую над ущельем, сквозь которую пробивался мягкий свет. Пригляделся и заметил, что скалы

отвесно поднявшись метров на триста, еле заметно начинают изгибаться в сторону долины. Задрал голову, Вильгельм прямо над собой, на огромной высоте рассмотрел свод пещеры. «А над долиной свода не видно, его скрывает плотная дымка водяного пара и яркий свет, пробивающийся сквозь неё», – подумал Вильгельм. Фридрих тоже задрал голову, потом посмотрел на Вильгельма и сказал: «Пещера, гигантская, титанически гигантская пещера, а откуда свет не понял, но впечатляет, аж до одури!». Через некоторое время они в сопровождении парней в светло-серых комбинезонах спустились в долину по вырубленной в скале широкой лестнице. Хотя один из парней предлагал им спуститься с площадки на огромном грузовом лифте, шахта которого была вырублена прямо в скале, но друзья не пожелали снова оказаться в замкнутом пространстве. Они спустились вниз пешком и оказались у пристани на реке шириной метров тридцать, может чуть больше. Пристань была оборудована у самого истока, прямо позади порогов, через которые в речку перетекала прозрачная вода из глубокого озера, в которое нёсся водопад, и чей шум разносился на всю округу. Оказавшись у истока реки, ребята ещё больше поразились грандиозностью и масштабностью долины, зажатой в скалах этой поистине гигантской пещеры, свод которой скрывался где-то за водяной дымкой и ярким, но в тоже время мягким рассеянным светом. На пристани стояли лодки из карбона с электродвигателями. На них группа начала спускаться вниз по реке, высокие скалистые берега которой обрамлял сплошной зелёный массив, выглядевший с реки сказочным дремучим лесом. По пути ландшафты сменяли друг друга, но Вильгельму особо запомнились молодые дубравы и рощи каштанов, а также одинокие кедры на уступах скал. Спуск по реке длился более двух часов, но время пролетело незаметно. Река стала заметно шире и спокойней. Любые попытки хоть что-то узнать наткнулись на отговорки, вроде: «Мы не уполномочены» и «Мужики, потерпите, вам всё расскажут, без обид». В итоге они подошли к устью реки, которая впадала в большое озеро с трёх сторон окруженное скалами, отвесно уходящими в дымку, висящую над долиной. Лодки вошли в озеро и на фоне водной глади в скалах начали вырисовываться окна, террасы и площадки, каменная пристань с широкой лестницей к высокому и широкому проёму в монолитной скале. Это огромное сооружение каменного зодчества очень напоминало средневековый замок в строгом и даже мрачном готическом стиле, видимо сходство было изначально задумано архитектором, потому как случайно подобное не сотворишь.

Глава 3. Воздастся каждому

Здесь я слегка ускорю темп своего повествования, и опущу некоторые детали.

Как потом выяснилось, за средневековым фасадом замка скрывались помещения, представляющие собой широкие лоджии в виде залов с высокими светлыми окнами. Лоджии, расположенные на разных этажах были соединены лестничными маршами. За лоджиями в скалы были вмонтированы уже до боли знакомые огромные переборочные двери, за которыми начинался лабиринт жилых и производственных помещений. Но всё это тоже теперь не важно. Важно, что поведали гостям жители этого замкнутого во всех смыслах мирка, которые сами себя называли паладинами Траумфальца, и, соответственно, это место Траумпфальц.

Так вот старшие из паладинов поведали гостям, что те, кто доставил сюда пленников, являются по существу предателями, устроившими здесь бойню, будучи ослеплёнными жаждой наживы. Итогом кровопролития стала гибель многих из паладинов, да и предателей погибло порядком. Виной тому была большая и невероятно чистая золотая жила, найденная в пещере. Война продолжается, хоть теперь приняла затяжную вялотекущую форму, так как противоборствующие стороны оказались в патовой ситуации, и формально у них сейчас перемирие. Так «конкистадоры» (так насмешливо паладины называли предателей, которые именовали себя «Сынами Локки») контролируют Опэнбург это огромный туннель с ответвлениями, через который сюда провели пленников и единственный путь из пещеры, паладины контролируют остальной Траумпфальц («Сыны Локки» называют их «колонистами»). У паладинов золото, которое нужно «Сынам Локки», а у «Сынов Локки» единственный проход в пещеру и контроль над большинством энергогенерирующих установок, тех, что находятся вне пещеры. Но обо всём по порядку.

Старшие из паладинов называли себя виконтами, и возглавлял их пфальцграф, точнее пфальцграфиня – ей оказалась та женщина в возрасте, которая встретила гостей.

Наверное, для понимания глубинных противоречий между паладинами Траумпфальца и остальным миром в целом, и «Сынами Локки» в частности, наибольший интерес будет иметь предыстория возникновения самого Траупфальца. С неё, пожалуй, и продолжу. Но не стану пересказывать то, что мне тогда поведали виконты и пфальцграфиня, а расскажу так, как теперь вижу эту историю сам. Основанием моего повествования будет всеобщая память, которая нас, пришлых, позже объединила с жителями пещеры в нечто целое и сложила мою собственную картину произошедшего. Вообще это довольно любопытно – взглянуть на мир глазами другого человека. Ещё интереснее увидеть его сразу с разных точек зрения в самом прямом смысле.

Примерно за полвека до описываемых событий в Германии возникло общество «Аристократы будущего». Оно противопоставляло себя выходящей на тот момент, на новый виток развития системе с обёрткой в виде толерантно-популистской демократии с глобалистически-капиталистическим содержанием. Общество организовывалось как довольно законспирированная организация на основе разрозненных коммерческих предприятий. По существу, это был альянс коммерческих предприятий разнонаправленных видов деятельности, связанных между собой добровольными договорённостями о финансовой и иной взаимопомощи. Часть предприятий вообще по большей части работала, так сказать, на «внутренний рынок», удовлетворяя потребности членов общества. Данный союз был устроен так, чтобы быть максимально устойчивым к внешним факторам. Целью коммерческой деятельности предприятий была не она сама как таковая, а создание условий стабильно благополучной социальной среды в обществе альянса. Выглядело это так: за успешную работу сотруднику предлагали снизить зарплату в обмен на мизерную долю компании. Соглашались далеко не все, а те, кто соглашались, через время понимали, что предоставленные социальные блага в довесок к ничтожной доле в капи-

тале компании соизмеримы с потерянными деньгами в зарплате. Через год к работникам, согласившимся потерять часть зарплаты, неожиданно возвращался и прежний уровень дохода, но не за счёт повышения оплаты труда, а за счёт дивидендов, которые после продолжали расти год от года. В основном как раз из этих новоиспечённых совладельцев, и пополнялись ряды паладинов – полноправных членов общества «Аристократы Будущего». Паладины получали свои доли владения уже на несоизмеримо более выгодных условиях, чем были у «совладельцев с базовыми надстройками».

Паладины – люди уже не просто связанные коммерческим братством, годовыми абонентами в один и тот же фитнес и общим детсадом, который посещают их дети. Это люди, связавшие себя новой моделью социального устройства, в корне отличной от господствующих в мире. Главной социальной ценностью они признавали свободу воли как основу счастливой жизни отдельной личности в обществе, частью которого она является, если, конечно, эта свобода не ограничивает свободу других. И потому, по их мнению, общество должно быть устроено таким образом, чтобы сама структура общества не ограничивала, а, наоборот, способствовала волеизъявлению его членов. За лозунгами паладинов типа: «Единство Свободных» или «Счастье строится на свободе воли» скрывались довольно простые принципы созвучные с «Хлеба и Зрелищ» и направленные на декларацию обязательств организации по удовлетворению базовых потребностей человека, только, как выяснилось позже, каждый обязательства и базовые потребности понимал по-своему. Так вот, вся эта возня сводилась к структуре общества, где отсутствует институт брака в правовом смысле слова и, соответственно, разводы тоже как явление исчезли.

Рожая детей, родители делили свою ответственность за счастливое детство своих чад с обществом. Здесь важно понимать, что планирование семьи в обществе паладинов было организовано на высочайшем уровне, хотя само понятие семьи было уже несколько иным, но опять же, у всех по-разному. Не сложно догадаться, что для стабильного развития «Общества Аристократов Будущего» было просто необходимо, чтобы система воспитания и образования стала хребтом социальной структуры, а так и было. В системе воспитания и образования паладинов посторонних и случайных людей не было. Подчёркнутая элитарность системы образования, особенно дошкольного уровня и уровня младшей и средней школы, требовала особого подхода в комплектации кадрового состава – главным стало призвание, если хотите, – талант педагога, помноженный на желание, а не его амбиции и регалии. Впрочем, так было не только в образовании. Задача родителей была сформулирована просто: «Любите ребёнка, а не воспитывайте».

Системные проблемы тоже были, как и в любом обществе. Особняком стояли проблемы скрытых бастардов и неожиданной старости, которые только-только начали проявляться в обществе. Дети одной женщины, но от разных мужчин часто оказывались психологически в неравнозначных психо-эмоциональных условиях развития. Такие проблемы регулярно выявлялись образовательной системой и часто на ковёр к педагогу вызывали все заинтересованные стороны и настоятельно рекомендовали папам быть более гибкими и не обделять вниманием братьев и сестёр своего чада по матери. Бисексуальные и гомосексуальные связи в обществе также часто создавали значительные проблемы, правда, без серьёзных последствий для подрастающего поколения по вполне объективным и естественным причинам. Вообще, семья, так или иначе, осталась ячейкой общества, только форма её стала более подвижной и теперь больше отражала душевное родство, чем кровное. Там, где гормональный фактор был всегда главенствующим, начали возникать признаки уже упомянутой проблемы неожиданной старости и вдруг неожиданно осознанной нехватки духовной близости или наличия духовной обделённости. Невзирая на проблемы, в общем и целом – довольно неплохой старт. Новый формат социума оказался живучим и доказал, что имеет право на существование, если смотреть на данный срез без ханжества и этических шор.

Вильгельм, после довольно долгого и монотонного описания вышеизложенного одним из виконтов даже вспомнил, что когда-то давно что-то слышал об этих предприятиях и даже о самом обществе. Но информация, периодически просачивавшаяся вовне из этой закрытой системы, не вызвала доверия и была сильно искажена, потому этот момент мы опустим. Итак ясно, что думали об этом закрытом клубе извращенцев добропорядочные граждане.

Аристократы имели свою иерархию, основанную на доле в капитализации Общества. Изначально иерархия была выстроена на двоичной основе с дополнительной третьей, отражавшей значимость члена общества в научно-образовательной сфере. Двоичная система отражала, с одной стороны, долю финансового участия и имела четыре уровня: ярл, херсир, хёвдинг и хольдер; а с другой стороны, указывала насколько ответственную должность занимал человек и имела также четыре уровня: пфальцграф, виконт, барон и паладин. Третья, научно-образовательная иерархия имела пять уровней: магистр, аббат, мастер, подмастерье, ученик. После первой и оказавшейся последней массовой волны посвящения в паладины большинства новоиспечённых совладельцев коммерческих предприятий глубина иерархичности резко возросла. Так основатель общества, будучи единственным ярлом, под нажимом общественности принял титул конунга. Должностной титул короля с немалыми усилиями отверг, согласившись сменить титулование пфальцграфом на титул великого герцога. Соответственно, появились новоиспечённые ярлы, а с ними и маркизы, ландграфы, чуть позже пара герцогов, – одним словом, власть и значение основателя и его окружения начали таять на глазах. Изменения глубины иерархичности научно-образовательной сферы не коснулись.

Довольно быстро общество видоизменилось до неузнаваемости. Началом тому послужила высокая эффективность большинства коммерческих предприятий, следствием чего стал стремительный взлёт объёма их капитализации. И уже вслед за скачкообразным ростом прибыльности коммерческой деятельности паладинов, резко прекратилась практика привлечения новых совладельцев. Далее «Общество Аристократов Будущего» стало ещё более закрытым и элитарным, чуть позже раскололось на несколько транснациональных корпораций. Во главе самых крупных встали новые конунги, которые не постеснялись назваться королями. Главы корпораций поменьше назвались верховными ярлами и титуловали себя великими герцогами. Крупные полунезависимые компании и крупнейшие филиалы крупнейших корпораций управлялись теперь ярлами с титулом герцога. Размножились маркграфы, ландграфы, пфальцграфы. Даже некоторые херсиры – руководители крупных отделов стали графами, целая армия виконтов и баронов, все хотели быть кем-то другим, только не хольдером-паладином. Социальная структура начала постепенно деградировать, система образования перестала быть приоритетом, всё больше средств уходило на досуговые корпоративные организации в виде закрытых клубов «Для Титулованных Особ» или элитных борделей «Для Высшего Дворянства». Общество стремительно расслаивалось, система образования деградировала быстрее всех других социальных институтов. Многие простые паладины продавали свои доли в корпорациях и уходили из общества, благо рыночная стоимость их активов была высокой и даже росла. Так как большинство представителей высшего дворянства стремились увеличить свои доли участия в корпорациях. Именно на этой волне подъёма ликвидности коммерческой составляющей осколков «Общества Аристократов Будущего» самый старый костяк паладинов во главе с престарелым основателем, уже отошедшим от дел, но всё ещё полным жизни, продали свои (оказавшиеся не самыми большими) куски в разрозненных корпорациях. После чего социальная система рухнула окончательно, а высвободившийся потенциал сделал корпорации ещё более прибыльными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.